

АННА СЛЕПЦОВА

КОГДА ТЫ
снова
НАЗОВЁШЬ МЕНЯ
Любимой

Анна Слепцова

Когда ты снова назовешь меня любимой

<https://litres.ru/74693328>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет назад Светлана Серова ушла от мужчины, которого любила больше жизни. Сергей Левин решил, что она предала его. Ни один из них не знал, что за их расставанием скрывалась чужая ложь.

Теперь судьба вновь сводит их в старинной усадьбе, где Светлане предстоит реставрировать картины, а Сергею — завершить важный проект. Три месяца под одной крышей — и прошлое, которое они так старательно забывали, возвращается с новой силой.

Его холодность ранит её. Её молчание сводит его с ума. Между ними всё ещё живут страсть, нежность и обида, которую не смогли стереть годы. Но Светлана хранит тайну, способную изменить всё.

Смогут ли они простить друг друга, когда правда наконец откроется? И хватит ли им смелости начать сначала, если однажды разбитое сердце снова поверит в любовь?

Иногда судьбе требуется десять лет, чтобы вернуть нас к тому, кого мы так и не научились любить.

Содержание

Глава 1. Мужчина, которого я не забыла	5
Глава 2. Три месяца под одной крышей	19
Глава 3. Картина с тайной	40
Глава 4. То, что мы скрываем	66
Глава 5. Письмо, которого не должно было быть	92
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Анна Слепцова
Когда ты снова
назовешь меня любимой
КОГДА ТЫ СНОВА

НАЗОВЁШЬ МЕНЯ ЛЮБИМОЙ

Анна Слепцова

Глава 1. Мужчина, которого я не забыла

Светлана Серова всегда считала, что у прошлого есть одна неприятная особенность: оно никогда не предупреждает о своём возвращении.

Оно не стучится в дверь, не спрашивает, готова ли ты снова почувствовать боль, не интересуется, научилась ли ты наконец жить без воспоминаний. Оно просто однажды появляется перед тобой — в знакомом взгляде, случайной фразе или запахе дорогого парфюма, который ты не слышала десять лет, но узнаёшь с первого вдоха.

И в этот момент всё, что ты так старательно строила, может рассыпаться.

Светлана посмотрела на старинную усадьбу за лобовым стеклом автомобиля и крепче сжала ручку сумки.

— Приехали, — сообщил водитель.

Она не ответила.

Усадьба стояла на небольшом возвышении, окружённая вековыми липами и ещё голыми после затяжной весны клумбами. Светлый фасад местами потемнел от времени, лепнина над окнами нуждалась в реставрации, а широкая лестница перед главным входом хранила следы десятков лет непогоды. В дальнем крыле виднелись строительные леса. Несколько

окон были закрыты деревянными щитами.

Здание было прекрасным.

Не безупречным, не парадным, не похожим на открытку для туристов. В нём чувствовалась прожитая жизнь — с чувствами тайнами, потерями и надеждами, которые когда-то наполняли эти комнаты.

Светлана любила такие места.

Старые дома не притворялись молодыми. Они не пытались скрыть трещины под толстым слоем краски. Они позволяли времени оставить на себе следы, а потом терпеливо ждали человека, который сумеет увидеть под повреждениями прежнюю красоту.

Наверное, именно поэтому она стала реставратором.

Люди были сложнее. Они могли улыбаться, говорить о любви, обещать вечность, а потом одним движением разрушить всё, что создавалось годами.

Светлана отвела взгляд от усадьбы и посмотрела на часы.

Без четверти одиннадцать.

Она приехала вовремя.

Как всегда.

— Вам помочь с вещами? — спросил водитель.

— Спасибо, я сама.

Она вышла из машины, поправила воротник светлого пальто и вдохнула прохладный воздух. Пахло влажной землёй, молодой листвой и дождём, который обещали к вечеру.

Ветер тронул выбившуюся из причёски прядь. Светлана

убрала её за ухо, взяла портфель с документами и направилась к главному входу.

Внутри всё было готово к встрече: она заранее изучила техническое задание, составила предварительный перечень повреждённых полотен и подготовила вопросы по условиям хранения коллекции. Работа обещала быть интересной и хорошо оплачивалась. Контракт на три месяца позволил бы ей завершить собственный проект и отложить деньги на летнюю поездку с дочерью.

Именно ради этого она сюда приехала.

Работа. Деньги. Три месяца.

Ничего больше.

У высокой дубовой двери Светлана остановилась, чтобы достать телефон. На экране светилось сообщение от дочери.

«Мам, ты доехала? Не забудь пообедать. И не работай до ночи, пожалуйста».

Светлана невольно улыбнулась.

«Доехала. Всё хорошо. Обещаю пообедать».

Отправив сообщение, она убрала телефон и нажала на дверной звонок.

Почти сразу послышались шаги.

Дверь открыл мужчина лет пятидесяти в аккуратном тёмном костюме.

— Светлана Серова?

— Да, здравствуйте.

— Меня зовут Виктор Павлович, я управляющий усадь-

бой. Вас уже ждут. Проходите, пожалуйста.

Она переступила порог.

В просторном холле пахло воском, старым деревом и едва заметной свежестью после недавней уборки. Под потолком висела большая люстра, вдоль стен тянулись потемневшие от времени портреты. На мраморном полу лежал длинный ковёр приглушённого бордового цвета.

Светлана машинально отметила состояние настенной росписи, повреждённый угол рамы и небольшое пятно сырости возле окна.

Профессиональная привычка.

Когда-то она точно так же рассматривала квартиры, кафе и музейные залы, оценивая поверхности, оттенки и трещины. Теперь её взгляд цеплялся за дефекты даже там, где она просто хотела отдохнуть.

— Коллекция находится в восточном крыле, — рассказывал Виктор Павлович, ведя её по коридору. — Часть картин уже сняли со стен. Некоторые требуют срочной консервации. Владелец хочет, чтобы к открытию усадьбы всё было приведено в порядок.

— Открытие планируется через три месяца?

— Именно. Поэтому сроки довольно жёсткие.

— Сроки меня не пугают. Меня пугают попытки ускорить процессы, которые нельзя ускорять.

Управляющий посмотрел на неё с лёгкой улыбкой.

— Думаю, вы найдёте общий язык с нашим владельцем.

Светлана не стала спрашивать, что он имел в виду.

Они прошли мимо закрытой двери, свернули в просторную галерею и остановились перед кабинетом в конце коридора.

Виктор Павлович постучал.

— Сергей Андреевич, к вам приехала реставратор.

Светлана услышала мужской голос:

— Пусть войдёт.

Она замерла.

Не потому, что узнала голос. Это было невозможно. За десять лет он мог измениться. Стать ниже, грубее, спокойнее.

Но тело узнало его раньше, чем сознание успело найти объяснение.

Сердце ударило о рёбра так сильно, что на секунду ей показалось, будто этот звук слышали оба мужчины.

— Всё в порядке? — спросил управляющий.

— Да, — слишком быстро ответила она.

Виктор Павлович открыл дверь.

Светлана вошла.

Кабинет оказался большим, с высокими окнами, тяжёлыми шторами и широким письменным столом из тёмного дерева. На стене висел архитектурный эскиз усадьбы, рядом стояли книжные шкафы. На столе лежали чертежи, папки и раскрытый ноутбук.

Мужчина у окна повернулся к ней.

И мир остановился.

Сергей Левин.

Десять лет назад он был человеком, рядом с которым Светлана представляла всю свою жизнь. Она помнила его смех, тёплые ладони, привычку хмуриться, когда он сосредоточенно читал чертежи, и то, как он смотрел на неё по утрам — будто каждый день удивлялся, что она рядом.

Теперь перед ней стоял другой мужчина.

Волосы стали короче, у висков появилась едва заметная седина. Черты лица заострились, плечи казались шире, а взгляд приобрёл ту холодную неподвижность, которой прежде не было.

Он выглядел уверенным в себе, состоятельным и совершенно чужим.

Только глаза остались прежними.

Светлана ненавидела себя за то, что заметила это первой.

Сергей смотрел на неё молча.

В его лице не было ни удивления, ни радости. Лишь мгновенная жёсткость, словно он столкнулся с неприятностью, которую давно считал окончательно устранённой.

— Светлана, — произнёс он.

Её имя в его исполнении прозвучало как напоминание о старом долге.

Она заставила себя выпрямиться.

— Здравствуй, Сергей.

За её спиной тихо закрылась дверь.

Они остались одни.

Светлана вдруг отчётливо слышала тиканье часов на стене. Каждый удар казался слишком громким.

Она столько раз представляла их возможную встречу.

Иногда ей виделось, что она пройдёт мимо него с высоко поднятой головой. Иногда — что он сам остановит её и спросит, почему она ушла. Бывали ночи, когда она просыпалась с мыслью, что однажды всё-таки объяснит ему правду.

Но ни в одном из этих воспоминаний Сергей не смотрел на неё так.

Будто перед ним стоял человек, которому он когда-то доверил сердце, а потом поклялся больше никогда не повторять этой ошибки.

— Я не знал, что на работу пришлют тебя, — сказал он.

— Я тоже не знала, что усадьба принадлежит тебе.

— Значит, мы оба оказались неприятно удивлены.

Светлана почувствовала, как внутри поднимается знакомая боль. Она могла бы напомнить ему, что сама не просила судьбу о такой встрече. Могла бы спросить, почему он говорит с ней так, будто она пришла без приглашения.

Вместо этого она открыла портфель.

— Я приехала обсудить состояние коллекции, условия хранения и объём работ. Если моё участие нежелательно, я могу отказаться от контракта.

Сергей едва заметно приподнял брови.

— Ты всегда умела быстро находить выход.

— Не всегда.

На секунду в его взгляде что-то изменилось.

Он помнил.

Конечно, помнил.

Они оба помнили гораздо больше, чем хотели бы.

Сергей обошёл стол и остановился напротив неё.

— Я ознакомился с твоим портфолио. У тебя хорошая репутация. Несколько крупных проектов, рекомендации музеев, опыт работы с полотнами девятнадцатого века.

— Тогда ты понимаешь, что я подхожу для этой работы.

— Как специалист — безусловно.

Он сделал короткую паузу.

— Вопрос в том, сможем ли мы работать вместе.

Светлана выдержала его взгляд.

— Я приехала сюда не обсуждать наше прошлое.

— Удобная позиция.

— Профессиональная.

— Ты всегда умела красиво подбирать слова.

Она медленно выдохнула.

Вот оно.

Не крик, не скандал, не открытое обвинение. Сергей просто расставлял между ними тонкие иглы, рассчитывая, что она сама наткнётся на каждую.

И самое страшное заключалось в том, что он имел право злиться.

По крайней мере, так она думала все эти годы.

— Если ты хочешь, чтобы я ушла, скажи прямо, — про-

изнесла Светлана. — Но если тебе действительно нужна реставрация, давай говорить о работе.

Сергей смотрел на неё ещё несколько секунд, затем вернулся к столу.

— Контракт рассчитан на три месяца. Ты будешь работать в восточном крыле. Там оборудована мастерская, предусмотрено отдельное помещение для хранения материалов. Все необходимые документы подготовлены.

Он подвинул к ней папку.

— Условия оплаты соответствуют нашей предварительной договорённости. Дополнительные расходы согласовываются со мной или Виктором Павловичем. Рабочий график определяешь сама, но я ожидаю соблюдения сроков.

Светлана пролистала документы.

Всё было составлено грамотно. Оплата действительно соответствовала договорённости, а условия работы были даже лучше, чем она рассчитывала.

Отказываться означало потерять не только деньги, но и возможность завершить важный проект.

Она не могла позволить себе уйти только потому, что рядом оказался человек, которого любила.

Именно этому она училась десять лет: не разрушать собственную жизнь из-за страха снова почувствовать боль.

— Хорошо, — сказала она. — Я согласна.

Сергей будто ожидал другого ответа.

— Уверена?

— Я никогда не подписываю договоры, в которых не уверена.

— А личные решения?

Светлана подняла глаза.

— Что?

— Ничего.

Он отвернулся к окну, и этот жест задел её сильнее, чем любая грубость.

Когда-то Сергей никогда не отворачивался от неё посреди разговора. Даже если сердился, даже если не соглашался, он оставался рядом и слушал.

Теперь он словно специально показывал, что она больше не имеет права на его внимание.

Светлана подписала последнюю страницу.

— Когда я могу приступить?

— Завтра в девять. Виктор Павлович покажет тебе помещения и познакомит с сотрудниками.

— Хорошо.

Она убрала экземпляр договора в портфель и направилась к двери.

— Светлана.

Она остановилась, не оборачиваясь.

— Надеюсь, на этот раз ты доведёшь начатое до конца.

Слова прозвучали негромко, почти буднично.

Но именно поэтому они попали в цель.

Светлана медленно повернулась.

— Я всегда довожу до конца то, за что берусь.

— Не всё.

Она посмотрела на него.

Впервые за весь разговор ей захотелось сказать правду. Не осторожно, не наполовину, не так, чтобы оставить себе возможность отступить.

Она хотела рассказать ему, что все эти годы помнила их последнюю встречу. Что до сих пор иногда просыпалась среди ночи, слыша его голос. Что были вещи, которые она не могла изменить, даже если бы отдала за это всё, что имела.

И что он ошибался.

Ошибался в главном.

Но за дверью уже существовала другая жизнь. Жизнь, которую Светлана построила сама. Человек, которому она была нужна. Обещания, которые она дала.

Она не имела права позволить старой боли снова управлять собой.

— Увидимся завтра, Сергей.

Она вышла, не дожидаясь ответа.

В коридоре Светлана остановилась у окна и только тогда поняла, что сжимает ручку портфеля так сильно, что побелели пальцы.

Она разжала руку.

Потом ещё раз глубоко вдохнула.

И ещё.

Десять лет.

Десять лет она училась жить без Сергея Левина. Училась не искать его лицо в толпе, не прислушиваться к чужим шагам, не вспоминать, как он произносил её имя, когда они оставались вдвоём.

Она научилась улыбаться, работать, принимать решения и не ждать, что кто-то придёт и спасёт её.

Она стала сильнее.

По крайней мере, ей так казалось.

Телефон завибрировал в кармане.

На экране появилось новое сообщение от дочери:

«Мам, всё хорошо? Ты почему так долго не отвечаешь?»

Светлана прикрыла глаза.

Вот её настоящая жизнь.

Не старые воспоминания, не мужчина в кабинете, не боль, которая вдруг вернулась, будто никуда и не уходила.

Она набрала ответ:

«Всё хорошо, солнышко. Просто много дел. Позвоню вечером».

Отправив сообщение, Светлана убрала телефон и направилась к лестнице.

Она ещё не знала, что впереди её ждут три месяца, за которые придётся заново пережить всё, от чего она бежала десять лет назад.

Не знала, что в старой усадьбе хранилась тайна, способная изменить их прошлое.

И уж точно не подозревала, что Сергей Левин всё ещё хранит её фотографию в ящике своего письменного стола.

Сергей не двигался, пока шаги Светланы не стихли в коридоре.

Только тогда он позволил себе выдохнуть.

Он думал, что готов к этой встрече.

В последние годы ему казалось, что он наконец избавился от прошлого. Перестал задавать вопросы, на которые не мог получить ответы. Научился произносить её имя без боли. Даже убедил себя, что однажды, если они встретятся, ему будет всё равно.

Он ошибался.

Светлана почти не изменилась. В её взгляде по-прежнему было то спокойное упрямство, которое когда-то сводило его с ума. Она всё так же держалась прямо, когда ей было больно, и прятала чувства за безупречной вежливостью.

Но теперь между ними стояла стена.

И он сам помогал ей становиться выше.

Сергей подошёл к столу и открыл верхний ящик.

Под папкой с чертежами лежала старая фотография.

На ней Светлана смеялась, запрокинув голову, а он смотрел на неё так, будто в мире не существовало ничего важнее.

Он не помнил, когда в последний раз доставал этот снимок.

Наверное, вчера.

Или позавчера.

Или в тот день, когда получил её портфолио и впервые за десять лет увидел её имя.

Сергей провёл пальцем по краю фотографии и с горечью усмехнулся.

Она вернулась.

Женщина, которая однажды ушла, не объяснив почему.

Женщина, которую он пытался разлюбить всеми доступными способами.

Женщина, которую он так и не смог забыть.

Он убрал фотографию обратно и закрыл ящик.

Три месяца.

Всего три месяца.

Он выдержит.

Обязательно выдержит.

Сергей посмотрел на дверь, за которой исчезла Светлана, и впервые за долгое время почувствовал не злость, не обиду и даже не надежду.

Страх.

Потому что теперь он знал: прошлое не закончилось.

Оно только что вошло в его дом.

И на этот раз он не был уверен, что сумеет отпустить его снова.

Глава 2. Три месяца под одной крышей

Светлана проснулась за десять минут до будильника.

За окном едва занимался рассвет. Тонкие полосы света пробивались сквозь неплотно задёрнутые шторы, ложились на незнакомый потолок и исчезали в складках покрывала. В комнате было прохладно, а за окном шумели деревья, раскачиваемые ночным ветром.

Несколько секунд Светлана лежала неподвижно, пытаясь вспомнить, где находится.

Потом память услужливо вернула вчерашний день.

Усадьба. Кабинет. Высокие окна. Тёмные волосы с едва заметной сединой на висках. Глаза, в которых она когда-то умела читать лучше, чем в любой книге.

Сергей.

Светлана закрыла лицо ладонями.

— Только не это, — пробормотала она.

Она рассчитывала, что после первой встречи станет легче. Самое страшное уже произошло: они увиделись, поздоровались, подписали договор. Она убедилась, что Сергей жив, здоров и прекрасно обходится без неё. Теперь оставалось привыкнуть к его присутствию и заниматься работой.

Всё просто.

Если не считать того, что ночью она почти не спала.

Если не считать сна, в котором Сергей обнимал её, уткнувшись носом в её волосы, и шептал что-то смешное, отчего она смеялась, не открывая глаз.

Если не считать пробуждения, после которого ей захотелось плакать.

Светлана села на кровати и потянулась к телефону.

На экране было сообщение от дочери.

«Доброе утро! Ты уже проснулась?»

Она улыбнулась и набрала ответ:

«Да, моё солнце. Сегодня первый рабочий день. Пожелай мне удачи».

Ответ пришёл почти мгновенно.

«Удачи! И помни: если кто-то будет тебя обижать, я приеду и всё ему объясню».

Светлана тихо рассмеялась.

Её девочка.

Иногда ей казалось, что за последние годы они поменялись ролями. Дочь, несмотря на юный возраст, обладала удивительной способностью замечать то, что Светлана предпочитала скрывать. Она не задавала лишних вопросов, когда чувствовала, что мать не готова отвечать, но всегда находила способ напомнить ей, что та не одна.

Светлана набрала:

«Договорились. Но сначала я сама попробую справиться».

«Ты всегда так говоришь».

«Потому что это правда».

«Ладно. Люблю тебя, мам».

«И я тебя».

Светлана отложила телефон.

Сегодня она должна была работать.

Не вспоминать прошлое, не искать скрытый смысл в каждом слове Сергея, не гадать, что он подумал, когда увидел её.

Работать.

Она встала, приняла душ и выбрала простую белую рубашку, тёмные брюки и удобные туфли. Волосы собрала в небрежный узел. Макияж ограничила тушью и лёгким тоном.

В зеркале на неё смотрела женщина, которой исполнилось тридцать семь лет.

Не девочка, которая когда-то верила, что любовь способна преодолеть всё.

Не та испуганная молодая женщина, которая десять лет назад собрала вещи и ушла, убеждая себя, что другого выхода нет.

Теперь она знала цену обещаниям. Знала, что иногда приходится принимать решения, от которых болит сердце. Знала, что можно пережить предательство, одиночество и страх, а потом однажды обнаружить, что жизнь всё-таки продолжается.

Она поправила воротник рубашки.

— Ты справишься, Света.

Отражение ничего не ответило.

Но она больше не ждала ответов от зеркал.

К девяти утра Светлана уже успела выпить кофе, проверить электронную почту и составить список необходимых материалов.

Мастерская находилась в восточном крыле усадьбы. Помещение оказалось просторным, с высокими потолками и большими окнами, выходившими в сад. Длинные рабочие столы стояли у стен, в центре находились мольберты, а вдоль дальней стены тянулись шкафы для инструментов и расходных материалов.

В углу работал осушитель воздуха.

Светлана остановилась посреди комнаты и медленно огляделась.

Вот здесь она могла работать.

Здесь не было прошлого, чужих обид и болезненных разговоров. Здесь существовали только холст, грунт, краски, время и терпение.

Она подошла к ближайшему столу, провела пальцами по поверхности и нахмурилась.

— Виктор Павлович!

Управляющий появился в дверях через несколько минут.

— Что-то не так?

— Скажите, кто занимался подготовкой мастерской?

— Подрядчики. По указанию владельца.

— Тогда передайте им, пожалуйста, что я не смогу работать с растворителями рядом с открытыми источниками тепла. И ещё мне потребуется отдельный шкаф для химических составов, с соответствующей вентиляцией. Здесь недостаточно места для безопасного хранения.

Виктор Павлович посмотрел на шкафы.

— Разумеется. Я распоряжусь.

— И ещё. Температуру нужно поддерживать стабильной. Если отопление будет работать с перебоями, мы рискуем повредить некоторые полотна.

— Вы можете составить список требований?

— Я уже составила.

Светлана протянула ему несколько листов.

Управляющий взял документы и одобрительно кивнул.

— Сергей Андреевич говорил, что вы профессионал. Теперь я понимаю, почему.

При упоминании имени владельца Светлана едва заметно напряглась.

— Сергей Андреевич говорил обо мне?

— Вчера вечером. Просил обеспечить вам все необходимые условия.

Она опустила взгляд на бумаги.

— Хорошо.

— Он также распорядился подготовить для вас отдельную комнату, где вы сможете работать с документацией.

— Мне достаточно мастерской.

— Он настоял.

Светлана подняла голову.

— Почему?

Виктор Павлович слегка улыбнулся.

— Думаю, этот вопрос лучше задать ему самому.

И ушёл прежде, чем она успела возразить.

Светлана осталась одна.

Она посмотрела на закрывшуюся дверь и почувствовала раздражение.

Зачем Сергей это сделал?

Из чувства долга? Чтобы показать, что умеет быть хорошим хозяином? Или потому, что всё ещё помнил, как она любила работать в тишине и не терпела, когда документы лежали вперемешку с инструментами?

Нет.

Она не станет придавать этому значение.

Возможно, он действительно заботился о проекте. Возможно, хотел, чтобы реставрация прошла без осложнений.

И совершенно точно не собирался облегчать ей жизнь просто потому, что она когда-то была для него всем.

Светлана достала блокнот и начала составлять план работ.

Через полчаса она настолько увлеклась, что не слышала шагов в коридоре.

— Ты всегда разговариваешь с бумагами, когда работаешь?

Она вздрогнула и обернулась.

Сергей стоял в дверях, держа в руках две чашки кофе.

На нём были тёмные брюки и светлая рубашка с закатанными рукавами. Пиджака не было, верхняя пуговица оставалась расстёгнутой.

Светлана ненавидела себя за то, что заметила каждую деталь.

— Только когда они понимают меня лучше людей.

— Значит, бумаги у тебя весьма одарённые.

— В отличие от некоторых людей, они редко перебивают.

Сергей усмехнулся.

Это было неожиданно.

На долю секунды его лицо стало другим — знакомым, почти прежним. Светлана вспомнила, как когда-то могла расшевелить его одной фразой, даже если он возвращался домой уставшим и раздражённым.

Улыбка исчезла так быстро, что она решила, будто ей показалось.

Сергей подошёл к столу и поставил одну чашку рядом с её блокнотом.

— Кофе.

— Спасибо. Но я не просила.

— Я заметил.

— Тогда зачем принёс?

Он посмотрел на неё с лёгким вызовом.

— Потому что у меня две руки и способность принимать самостоятельные решения.

— Поздравляю.

— Благодарю.

Они несколько секунд смотрели друг на друга.

Светлана первой отвела взгляд.

— Что-то случилось?

— Мне нужно обсудить с тобой порядок осмотра коллекции.

— Можно было вызвать меня в кабинет.

— Можно было.

— Но ты решил прийти сюда.

— Ты собираешься анализировать каждое моё действие?

— Только те, которые не имеют очевидного объяснения.

Сергей поставил ладонь на край стола.

— Тогда объясню. Я хочу, чтобы реставрация прошла успешно. Для этого мне нужно понимать, что происходит с коллекцией. А ты — единственный человек здесь, который способен объяснить мне это без лишних слов.

Светлана не ответила.

Его голос звучал спокойно, без насмешки. И именно это смутило её больше всего.

— Хорошо, — наконец сказала она. — Через час я закончу предварительный осмотр. После этого подготовлю список первоочередных работ.

— Я буду ждать.

— В кабинете?

— Если это тебя устроит.

— Меня устроит, если ты не будешь мешать мне работать.

— Договорились.

Сергей направился к выходу, но остановился у двери.

— Кстати, кофе без сахара. Как ты любишь.

Светлана замерла.

Он произнёс это так буднично, словно не прошло десяти лет. Словно он всё ещё знал её привычки, помнил мелочи, которые она сама иногда забывала.

Она посмотрела на чашку.

Чёрный кофе.

Без сахара.

Именно такой она пила каждое утро.

— Я не всегда пью его без сахара, — сказала она, сама не понимая, зачем.

Сергей медленно обернулся.

— Правда?

— Да.

Он посмотрел на неё несколько секунд.

— Что ж. Значит, за десять лет что-то всё-таки изменилось.

Дверь закрылась.

Светлана стояла неподвижно, чувствуя, как внутри поднимается знакомая, почти забытая нежность.

Ей хотелось взять чашку и вылить кофе в раковину.

Вместо этого она сделала глоток.

Он был именно таким, как она любила.

И от этого стало ещё больше.

К полудню Светлана осмотрела двенадцать полотен и составила предварительный список повреждений. Часть картин требовала лишь укрепления красочного слоя и очистки поверхности. Другие нуждались в более серьёзной работе: на нескольких холстах обнаружились трещины, а у одного портрета заметно отслаивался грунт.

Она делала фотографии, заносила данные в таблицу и отмечала условия хранения.

Работа помогала.

Каждая запись возвращала ей ощущение контроля. Каждая обнаруженная проблема имела причину, а значит, могла получить решение.

С людьми всё было иначе.

В час дня Светлана закрыла блокнот, сохранила документы и направилась в кабинет Сергея.

Она постучала.

— Войдите.

Он сидел за письменным столом, изучая чертежи. Рядом лежала раскрытая папка с документами, а на подоконнике стоял нетронутый стакан воды.

Светлана невольно вспомнила, что Сергей почти никогда не пил воду во время работы. Он мог часами сидеть над проектом, забывая поесть, пока она не приносила ему бутерброд и не ставила чашку чая прямо на чертёж.

Тогда он поднимал голову, улыбался и говорил:

«Что бы я без тебя делал?»

Она прогнала воспоминание.

— Я закончила предварительный осмотр.

Сергей отложил бумаги.

— Садись.

Она выбрала кресло напротив его стола.

— Всего осмотрено двенадцать полотен. Три требуют срочного вмешательства, остальные можно включить в плановые работы. Но прежде чем начинать очистку, мне нужно провести анализ пигментов и определить состав поздних покрытий.

— Сколько времени это займёт?

— Зависит от результатов. Я не собираюсь обещать сроки, которые не смогу выполнить.

— Разумно.

Он придвинул к себе её список.

Пока Сергей изучал документы, Светлана рассматривала его руки.

Когда-то она знала их наизусть. Помнила длинные пальцы, маленький шрам возле большого пальца и привычку постукивать карандашом по столу, когда он обдумывал сложное решение.

Шрам остался.

Она быстро отвела взгляд.

— Есть ещё один вопрос, — сказала она.

— Слушаю.

— Я хочу получить доступ к архиву усадьбы. Там могут храниться сведения о происхождении картин и предыдущих реставрациях.

— Архив частично разобран. Документы находятся в нескольких помещениях.

— Тогда мне понадобится помощь, чтобы систематизировать их.

— Виктор Павлович займётся этим.

— И ещё я хотела бы осмотреть картины, которые пока не внесены в основной список.

Сергей поднял глаза.

— Почему?

— Потому что на некоторых полотнах могут быть поздние записи или скрытые слои. Если коллекция формировалась в протяжении нескольких поколений, важно понимать, какие работы относятся к одному периоду.

Он внимательно посмотрел на неё.

— Ты думаешь, здесь может быть что-то интересное?

— Я думаю, что пока недостаточно знаю об этой коллекции, чтобы делать выводы.

— Хорошо. Получишь доступ к архиву.

Светлана кивнула.

На этом разговор должен был закончиться. Она уже собиралась подняться, когда Сергей спросил:

— Ты давно работаешь одна?

Вопрос прозвучал неожиданно.

— В каком смысле?

— У тебя есть постоянная команда?

— Иногда я привлекаю помощников. Но основные работы предпочитаю выполнять сама.

— Почему?

Она задумалась.

— Потому что мне так спокойнее.

— Ты никому не доверяешь?

Светлана медленно подняла на него глаза.

— А ты?

Сергей откинулся на спинку кресла.

— Я задал вопрос первым.

— А я ответила.

— Нет, Света. Ты уклонилась.

Он назвал её Светой.

Впервые за десять лет.

Одно короткое слово — и она снова оказалась в маленькой кухне их прежней квартиры, где Сергей стоял у плиты в старой футболке и уговаривал её попробовать приготовленный им завтрак.

Она заставила себя вернуться в настоящее.

— Я научилась рассчитывать на себя. Это не означает, что я никому не доверяю.

— Разумеется.

В его голосе прозвучала такая горечь, что Светлана не вы-

держала.

— Сергей, если ты хочешь что-то сказать, говори прямо.

Он помолчал.

— Хорошо. Почему ты тогда не осталась?

Вопрос повис между ними.

Светлана почувствовала, как холодеют пальцы.

Вот оно.

Она знала, что этот разговор неизбежен. Знала, что рано или поздно Сергей потребует объяснений. Но не ожидала, что он спросит так просто, почти устало, будто десять лет носил этот вопрос в себе и наконец решил произнести его вслух.

Она могла бы ответить.

Могла бы сказать, что тогда была уверена: он больше не хочет её видеть. Что поверила доказательствам, которые казались неопровержимыми. Что была слишком горда и слишком напугана, чтобы выслушать его.

Но это была бы лишь часть правды.

А другая часть принадлежала не только ей.

— Мы договорились не обсуждать прошлое, — тихо сказала Светлана.

Сергей усмехнулся, но в его глазах не было веселья.

— Нет. Это ты решила не обсуждать прошлое. Я не давал такого обещания.

— Мы здесь работаем вместе.

— Именно. Три месяца. Под одной крышей. И ты предла-

гаешь мне делать вид, что мы незнакомы?

— Я предлагаю нам вести себя как взрослые люди.

— Взрослые люди, — повторил он. — Как удобно.

Светлана встала.

— Я пришла обсудить работу.

— А я задал простой вопрос.

— На который я не готова отвечать.

— Или не хочешь?

Она посмотрела на него.

— Какая разница?

Сергей поднялся из-за стола.

— Для меня — огромная.

В его голосе впервые за весь разговор прозвучала настоящая боль.

Не холодность, не раздражение, не желание уколоть её по-большее.

Боль.

Светлана едва не шагнула к нему.

Ей захотелось прикоснуться к его лицу, провести пальцами по морщинке между бровями, которая появлялась всякий раз, когда он сдерживал сильные эмоции.

Но она осталась на месте.

— Мне нужно вернуться к работе, — сказала она.

Сергей не стал её останавливать.

Она вышла из кабинета и только в коридоре позволила себе закрыть глаза.

Сколько ещё?

Сколько ещё она сможет выдержать эти разговоры, эти взгляды, эту близость, от которой внутри всё переворачивалось?

Она ведь приехала сюда ради работы.

Ради денег.

Ради будущего, которое давно научилась строить без Сергея Левина.

Так почему же каждый раз, когда он оказывался рядом, ей казалось, что она снова становится той женщиной, которая однажды потеряла всё?

✱✱

К вечеру Светлана устала настолько, что едва чувствовала спину.

Она завершила осмотр, отправила Виктору Павловичу список необходимых материалов и проверила, чтобы полотна были закрыты защитными экранами. После этого убрала инструменты и направилась в свою комнату.

По дороге она слышала голоса из открытой двери гостиной.

— ...не понимаю, зачем ты согласился, — произнесла женщина.

Светлана остановилась.

Голос был незнакомым, низким и мелодичным.

— Потому что она лучший специалист для этой работы, — ответил Сергей.

— В городе достаточно хороших реставраторов.

— Но я выбрал её.

— Сергей, ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

Наступила пауза.

Светлана не хотела подслушивать. Она могла просто пройти мимо, но собственное имя, прозвучавшее следом, заставило её замереть.

— Ты собираешься работать с ней три месяца. Каждый день. Ты уверен, что это разумно?

— Это моё решение, Виктория.

— А если всё повторится?

Светлана почувствовала, как сердце пропустило удар.

Ответа Сергея она не услышала.

Вместо этого послышались шаги. Светлана быстро отступила за выступ стены.

Через несколько секунд из гостиной вышла высокая светловолосая женщина в элегантном платье. Она держала в руке телефон и выглядела раздражённой.

Женщина прошла мимо, даже не взглянув в сторону Светланы.

Когда шаги стихли, Светлана медленно выдохнула.

Виктория.

Значит, так её зовут.

И она знала о прошлом.

Светлана продолжила путь, стараясь не придавать услышанному значения. Люди из окружения Сергея могли знать

об их расставании. Это не было удивительно.

Удивительным было другое.

«А если всё повторится?»

Что именно должно было повториться?

И почему Виктория говорила так, будто опасалась не за Сергея, а за нечто гораздо более важное?

Светлана остановилась возле окна.

За стеклом темнел сад. Между деревьями зажигались фонари, а на мокрой дорожке отражался свет из окон усадьбы.

Она вспомнила старые картины, архив и найденные ею сегодня повреждения. Вспомнила, как Сергей без колебаний разрешил ей изучить документы.

И вдруг подумала: возможно, эта усадьба хранит гораздо больше секретов, чем кажется.

Но сейчас ей хотелось только одного — закрыть дверь своей комнаты, позвонить дочери и хотя бы на несколько минут почувствовать себя дома.

Она достала телефон.

Сообщение от дочери уже ждало её.

«Мам, как прошёл день?»

Светлана посмотрела на экран и улыбнулась.

«Сложно. Но я справилась».

Она нажала кнопку отправки и добавила:

«Расскажу тебе всё вечером».

Это была неправда.

Не всё она могла рассказать даже дочери.

Некоторые вещи оставались слишком болезненными, чтобы произносить их вслух.

В кабинете Сергей стоял у окна и смотрел на вечерний сад.

Виктория ушла двадцать минут назад, но её слова продолжали звучать в голове.

«А если всё повторится?»

Он знал, что она права хотя бы в одном: приглашение Светланы было рискованным решением.

Он мог выбрать другого специалиста. Мог поручить реставрацию сторонней компании и никогда больше не видеть женщину, которая десять лет назад разрушила его жизнь.

Но, получив её портфолио, он понял, что не сможет отказаться.

Не потому, что хотел отомстить.

Не потому, что рассчитывал заставить её пожалеть о прошлом.

Он просто хотел увидеть её.

Хотел убедиться, что она действительно существует, что её имя не осталось лишь строчкой в старых письмах и воспоминаниях, которые он пытался уничтожить.

Теперь она была здесь.

В его доме.

И каждый раз, когда он видел её, ему приходилось напоминать себе, почему он не должен делать шаг навстречу.

Сергей подошёл к письменному столу, открыл ящик и достал фотографию.

На этот раз он не убрал её сразу.

Долго смотрел на лицо молодой Светланы, на её улыбку, на собственную руку у неё на талии.

Он помнил тот день.

Помнил, как она сказала, что хочет остаться с ним навсегда.

Помнил, как сам поверил, что теперь ничто не сможет их разлучить.

И помнил день, когда всё закончилось.

Сергей сжал фотографию в пальцах.

— Зачем ты вернулась, Света? — тихо спросил он.

Ответа не было.

Только за окном шумели деревья, а в старом доме тикали часы, отсчитывая время, которого у них обоих когда-то было так много.

Теперь им предстояло провести вместе три месяца.

Девяносто дней.

Две тысячи сто шестьдесят часов.

Сергей усмехнулся собственной попытке всё измерить.

Он всегда любил точность. В архитектуре каждая линия имела значение, каждый расчёт можно было проверить, каждую ошибку — исправить.

Но он так и не научился понимать, почему сердце продолжает любить женщину, которой разум давно вынес приговор.

Он положил фотографию на стол и закрыл ящик.

Завтра будет новый день.

Он поговорит со Светланой о работе. Будет держать дистанцию. Не станет вспоминать прошлое и не позволит ей снова управлять его чувствами.

Это был хороший план.

Рациональный.

Надёжный.

Сергей выключил свет.

Он ещё не знал, что уже завтра Светлана обнаружит в старой картине первую зацепку, способную изменить всё, во что они оба верили десять лет.

И что чем ближе они будут подходить к правде, тем труднее им станет притворяться, будто между ними ничего не осталось.

Глава 3. Картина с тайной

Утро началось с дождя.

Светлана услышала его ещё до того, как открыла глаза: мелкие капли барабанили по подоконнику, стекали по водосточным трубам и шуршали по густой листве старых лип. В комнате было сумрачно, хотя часы показывали половину восьмого.

Она потянулась за телефоном.

Дочь прислала фотографию своего завтрака — чашку какао, два тоста и тарелку с клубникой.

«Я сегодня решила быть взрослой и приготовить себе завтрак сама».

Светлана улыбнулась.

«Впечатляет. Надеюсь, кухня уцелела».

«Почти. Правда, я немного переборщила с тостером».

«Я тебя люблю».

«И я тебя, мам. Не забывай отдыхать».

Светлана задержала взгляд на последних словах.

Отдыхать.

Хороший совет. Особенно для женщины, которая накануне провела весь день в одном доме с человеком, способным одним взглядом вернуть её на десять лет назад.

Она отложила телефон и села на кровати.

Сегодня ей предстояло изучить несколько полотен, прове-

ритель условия хранения и наконец получить доступ к архиву усадьбы. Если всё пойдёт по плану, через неделю она сможет приступить к первым реставрационным работам.

Работа. Только работа.

Светлана повторила это про себя, принимая душ, одеваясь и собирая волосы в привычный узел.

Но стоило ей выйти из комнаты, как взгляд невольно скользнул к дверям кабинета Сергея.

Они были закрыты.

И это почему-то разочаровало её.

Она рассердилась на себя и ускорила шаг.

В мастерской пахло влажным деревом и свежесваренным кофе.

Виктор Павлович сдержал обещание: возле рабочего стола стоял новый шкаф для материалов, а на отдельной полке аккуратно лежали коробки с перчатками, фильтрами и расходными инструментами.

Светлана удовлетворённо кивнула.

— Благодарю. Так гораздо лучше.

— Сергей Андреевич распорядился, чтобы всё необходимое доставили сегодня утром.

Она посмотрела на управляющего.

— Он сам этим занимался?

— Лично звонил поставщикам. Вчера вечером.

Виктор Павлович произнёс это без особого значения,

словно сообщал о погоде. Но Светлана почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

Она представила Сергея за письменным столом, поздним вечером, с телефоном у уха. Он всегда относился к работе серьёзно, иногда даже чрезмерно. Но прежде его внимание к деталям проявлялось и в мелочах, которые касались её.

Он мог запомнить, что у неё заканчивается любимый чай. Мог заметить, что она устала, прежде чем она сама это осознавала. Однажды, когда у неё сломалась застёжка на браслете, он целый вечер искал мастера, хотя она уверяла, что справится сама.

Тогда ей казалось, что так и выглядит любовь: когда человек замечает то, чего не видят остальные.

Светлана отвела взгляд.

— Хорошо. Если больше ничего не нужно, я приступлю к работе.

— Конечно.

Когда управляющий ушёл, она включила лампы над рабочим столом и открыла журнал осмотра.

Первым в списке значился портрет неизвестной женщины в тёмно-синем платье. Полотно было небольшим, написанным, вероятно, во второй половине девятнадцатого века. Лицо изображённой сохранилось неплохо, но по нижнему краю краска растрескалась, а старый лак приобрёл желтоватый оттенок.

Светлана осторожно установила картину на мольберт.

Работа требовала внимания, но ничего необычного она не ожидала.

До тех пор, пока не заметила несоответствие.

В правом нижнем углу, под потемневшим лаком, виднелась тонкая линия. Она не походила на случайную царапину. Скорее, это был след другого слоя краски, который когда-то попытались скрыть.

Светлана придвинула лампу и изменила угол освещения.

Линия исчезла.

Она повторила движение.

Линия снова появилась.

— Так-так, — тихо произнесла она.

Светлана надела увеличительные очки и внимательно осмотрела участок. Под поверхностью просматривался небольшой фрагмент надписи, почти полностью закрытый поздним покрытием.

Она не стала ничего трогать.

Любое неосторожное вмешательство могло повредить оригинальный красочный слой. Сначала требовалось установить состав покрытия, провести необходимые исследования и получить разрешение владельца на дополнительную работу.

Светлана сделала несколько фотографий, записала наблюдения и потянулась за телефоном.

Потом остановилась.

Зачем ей звонить Сергею?

Можно просто отправить отчёт через управляющего.

Она открыла список контактов, но нужного номера там не было. Конечно, она давно удалила его. По крайней мере, считала, что удалила.

Несколько лет назад, меняя телефон, Светлана обнаружила старую резервную копию и увидела знакомое имя. Тогда она долго смотрела на экран, прежде чем нажать кнопку удаления.

Ей казалось, что это поможет.

Теперь она даже не знала, сохранился ли номер Сергея.

Светлана с досадой положила телефон на стол.

— Не усложняй, — сказала она самой себе.

Она позвонила Виктору Павловичу и попросила передать Сергею, что хочет обсудить необычную находку.

Ответ пришёл быстрее, чем она ожидала.

Через пять минут в мастерскую вошёл сам Сергей.

✱

— Что случилось?

Он произнёс это с такой серьёзностью, что Светлана невольно улыбнулась.

— Доброе утро и тебе.

Сергей посмотрел на часы.

— Уже почти десять.

— Значит, доброе позднее утро.

— Ты попросила меня прийти.

— Да. И, насколько я помню, не обещала, что здесь про-

изойдёт катастрофа.

— С тобой никогда нельзя быть уверенным.

В его голосе прозвучала лёгкая ирония.

Светлана на мгновение замолчала.

Раньше они часто так разговаривали. Он бросал короткую реплику, она отвечала, он улыбался, и через несколько минут они уже смеялись над какой-нибудь ерундой, забыв, с чего начался разговор.

Теперь между ними всё ещё оставалось что-то от прежней лёгкости. Но стоило одному из них вспомнить об этом, как другой тут же возводил защитную стену.

Сергей подошёл к мольберту.

— Показывай.

Светлана указала на нижний угол картины.

— Здесь обнаружен след более раннего слоя. Возможно, надпись. Я пока не могу сказать, что именно скрывается под покрытием. Нужны дополнительные исследования.

Он наклонился ближе.

— Это подпись художника?

— Не исключено. Но линия расположена слишком низко, а направление штрихов не позволяет сделать вывод. Это может быть и поздняя запись.

— Насколько это важно?

— Для самой картины — возможно, не слишком. Но если надпись действительно относится к первоначальному слою, она может помочь установить происхождение полотна.

Сергей выпрямился.

— И что для этого нужно?

— Анализ покрытия и дополнительное исследование поверхности. Возможно, придётся снять часть позднего слоя, но только после того, как я пойму, с чем имею дело.

— Делай всё необходимое.

Светлана удивлённо посмотрела на него.

— Ты даже не спросишь, сколько это будет стоить?

— Спрошу, когда ты скажешь, что именно требуется.

— А если придётся потратить больше, чем предусмотрено сметой?

— Тогда пересмотрим смету.

— Ты удивительно спокойно относишься к дополнительным расходам.

— Я удивительно спокойно отношусь к людям, которые знают свою работу.

Он произнёс это без улыбки.

Светлана почувствовала, как в груди стало тесно.

Она столько лет помнила его другим — обиженным, закрытым, уверенным в её предательстве. Ей было проще считать его холодным человеком, чем допускать, что за этой холодностью всё ещё скрывается мужчина, которого она любила.

Но Сергей продолжал удивлять её.

Он не мешал ей работать. Не пытался контролировать каждый шаг. Он доверял её профессионализму.

И от этого становилось труднее держать дистанцию.

— Спасибо, — сказала она.

Сергей посмотрел на неё.

— За что?

— За доверие.

Он помолчал.

— Не путай профессиональное доверие с личным, Светлана.

Она вздрогнула.

— Я не путаю.

— Хорошо.

Сергей направился к двери, но на этот раз она сама оставила его.

— Подожди.

Он обернулся.

Светлана не знала, зачем его окликнула. Наверное, хотела сказать, что не собирается использовать работу как повод для личных разговоров. Или что ей не нужно его особое отношение. Или что она сама прекрасно понимает границы, которые он пытается обозначить.

Но всё это звучало бы как оправдание.

— Здесь довольно интересная коллекция, — сказала она вместо этого. — Ты давно занимаешься восстановлением усадьбы?

Сергей вернулся на несколько шагов.

— Почти два года.

— Почему именно эта усадьба?

Он посмотрел в сторону окна.

— Мне понравилось здание.

Светлана приподняла брови.

— Ты архитектор. Тебе нравятся здания.

— Удивительно проницательное замечание.

Она едва заметно улыбнулась.

— Я старалась.

Сергей тоже улыбнулся, но быстро стал серьёзным.

— Усадьба долго стояла без хозяина. Часть помещений пришла в негодность. Я купил её, когда появилась возможность восстановить здание и вернуть ему прежний облик.

— Ты собираешься сделать здесь музей?

— Не совсем. Часть помещений будет открыта для посетителей, в другом крыле разместятся выставочные залы. Возможно, здесь будут проходить небольшие концерты и культурные мероприятия.

Светлана оглядела мастерскую.

— Тогда понятно, почему ты так торопишься.

— Я не тороплюсь. Я планирую.

— Разумеется. Ты всегда предпочитал, чтобы всё шло по плану.

Слова вырвались сами собой.

Сергей медленно повернул к ней голову.

— Не всё, Светлана. Некоторые вещи совершенно не желали идти по плану.

В его голосе не было громкости, но она услышала то, что он не произнёс.

Их отношения.

Их расставание.

Её уход.

Светлана почувствовала, как улыбка исчезает с её лица.

— Я не собиралась...

— Неважно.

Он снова направился к двери.

На этот раз она не стала его останавливать.

Но у самого выхода Сергей задержался.

— Когда закончишь работу, покажешь мне результаты?

— Конечно.

— И ещё, Светлана...

Она посмотрела на него.

— Не пытайся сделать всё за один день. У тебя три месяца.

В его голосе прозвучало что-то непривычное. Не приказ, не требование, а почти забота.

— Я умею рассчитывать свои силы, — ответила она.

— Я помню.

Он ушёл.

Светлана осталась перед картиной, ощущая, что разговор оказался гораздо сложнее, чем должен был быть.

Она посмотрела на чашку кофе, которую Сергей принёс утром и которую она так и не успела допить.

Кофе давно остыл.

Как и многое другое, чему она когда-то не позволила слушаться.

В полдень дождь усилился.

Светлана закончила первичный осмотр ещё нескольких полотен и решила сделать перерыв. Она не любила работать на износ: усталость притупляла внимание, а в реставрации одна неосторожная ошибка могла стоить слишком дорого.

В столовой было почти пусто.

За одним из окон виднелась старая липовая аллея, а дальше — небольшая беседка, окружённая мокрыми кустами роз. В ясную погоду там, наверное, было приятно сидеть с книгой.

Светлана взяла поднос, выбрала суп, салат и чай и устроилась за столиком у окна.

Она успела сделать всего несколько ложек, когда услышала знакомый голос.

— Здесь свободно?

Сергей стоял рядом с подносом в руках.

Светлана посмотрела на пустой зал.

— Вижу, свободных мест катастрофически не хватает.

— Я решил, что тебе не мешает компания.

— Почему?

Он поставил поднос на стол напротив неё.

— Потому что мы работаем в одном доме и, по всей видимости, будем регулярно встречаться. Возможно, нам сто-

ит научиться хотя бы спокойно обедать в одном помещении.

— Великодушно.

— Я стараюсь.

Сергей сел.

Некоторое время они ели молча.

Это молчание было не таким тяжёлым, как вчерашнее.

Скорее осторожным: оба пытались понять, можно ли хотя бы ненадолго отложить в сторону обиды.

Светлана первой нарушила тишину.

— Ты всегда обедаешь здесь?

— Когда успеваю.

— А если не успеваешь?

— Тогда забываю поест.

Она покачала головой.

— Ничего не изменилось.

Сергей поднял глаза.

— Ты говоришь так, будто хорошо меня знаешь.

Светлана замерла с ложкой в руке.

— Я знала тебя.

— Десять лет назад.

— Да.

Он отложил ложку.

— А сейчас?

Она посмотрела на него.

Вопрос был простым. Но ответить на него оказалось почти невозможно.

Сейчас она знала, что Сергей стал успешным архитектором, что приобрёл усадьбу и планирует её восстановить. Знала, что он научился говорить с ней холодно, хотя иногда забывал об этом. Знала, что он до сих пор не избавился от старой фотографии.

Но она не знала, счастлив ли он.

Не знала, есть ли в его жизни женщина, которую он любит.

Не знала, вспоминает ли он их так же часто, как она.

И не имела права спрашивать.

— Сейчас я не знаю тебя, — честно ответила Светлана.

Сергей медленно кивнул.

— По крайней мере, это правда.

Она почувствовала укол вины.

— Сергей...

— Не нужно.

Он произнёс это спокойно, но она поняла: он не хочет слышать ни оправданий, ни попыток смягчить сказанное.

Некоторое время они молчали.

Потом Сергей спросил:

— Ты всё ещё живёшь в городе?

— Да.

— Давно?

— Несколько лет.

— Одна?

Светлана почувствовала, как внутри всё напряглось.

Она знала, что он рано или поздно начнёт задавать вопро-

сы о её жизни. Но не ожидала, что это произойдёт так скоро.

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто интересно.

— Ты десять лет не интересовался моей жизнью.

Сергей побледнел.

На секунду она испугалась, что сказала слишком много.

Но он лишь посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты права.

Эти два слова прозвучали неожиданно.

Светлана приготовилась к упрёку, к резкой реплике, к напоминанию о том, кто первым ушёл.

Но Сергей не стал продолжать.

Он взял стакан воды и сделал несколько глотков.

— Извини, — тихо сказала она.

Он посмотрел на неё.

— За что?

— Не стоило так говорить.

— Почему? Это правда.

Светлана опустила глаза.

Именно так он когда-то умел снимать напряжение между ними. Не всегда находил правильные слова, но мог признать очевидное, даже если это было неприятно.

Теперь она не знала, что делать с этой его стороной.

— У меня есть дочь, — неожиданно произнесла она.

Сергей замер.

Светлана сама не поняла, почему сказала это именно сей-

час. Возможно, потому, что устала от недомолвок. Возможно, потому, что не хотела, чтобы он однажды узнал об этом случайно и решил, будто она специально скрывала целую жизнь.

А возможно, потому, что имя дочери было единственным, произнося которое она всегда чувствовала себя уверенно.

— Дочь? — переспросил Сергей.

— Да.

Он смотрел на неё, словно пытался понять, правильно ли услышал.

— Сколько ей лет?

Светлана ощутила, как внутри поднимается страх.

Она могла сказать правду. Могла назвать возраст, рассказать о характере дочери, о её привычках и мечтах.

Но тогда пришлось бы ответить на следующий вопрос.

Когда она родилась?

И Сергей сам сложил бы все цифры.

— Она уже достаточно взрослая, — уклончиво ответила Светлана. — Мы с ней очень близки.

Сергей медленно откинулся на спинку стула.

— Я рад за тебя.

Он сказал это так ровно, что она не смогла понять, что он чувствует.

— Спасибо.

— Ты счастлива?

Вопрос прозвучал почти беззвучно.

Светлана посмотрела ему в глаза.

Как можно ответить на такое?

Она была счастлива, когда слышала смех дочери. Когда получала новый заказ и понимала, что её работа действительно нужна. Когда возвращалась домой после долгого дня и могла наконец снять обувь, приготовить чай и просто посидеть в тишине.

Но были ночи, когда она просыпалась с ощущением потери.

Были дни, когда ей хотелось поделиться с кем-то радостью, услышать чужой голос, почувствовать, что рядом есть человек, который понимает её без объяснений.

И тогда она вспоминала Сергея.

— Да, — сказала Светлана.

Он кивнул.

— Хорошо.

Сергей вернулся к обеду, словно разговор закончился.

Но Светлана заметила, что он больше не притронулся к еде.

После обеда они вместе осмотрели несколько картин в северной галерее.

Это была идея Сергея: он хотел лично ознакомиться с состоянием коллекции и понять, какие работы потребуют особого внимания.

Светлана объясняла, указывая на трещины, потемневшие

участки и повреждения рам. Сергей слушал внимательно, задавал вопросы и иногда записывал её замечания.

Работать с ним оказалось неожиданно легко.

Он не перебивал, не пытался показать, что знает больше, чем она. Если чего-то не понимал, спрашивал. Если не соглашался, аргументировал свою позицию.

В какой-то момент Светлана поймала себя на мысли, что скучала по этому.

По его способности быть рядом и не мешать.

По тому, как он внимательно слушал, когда она говорила о том, что действительно любила.

Они остановились перед большим полотном в тяжёлой позолоченной раме. На картине был изображён мужчина в тёмном сюртуке, сидящий за столом. В руках он держал раскрытую книгу, а на заднем плане виднелось окно с видом на парк.

— Это один из самых старых портретов в коллекции, — сказала Светлана. — Судя по предварительным данным, он написан в середине девятнадцатого века.

— Кто изображён?

— Пока неизвестно. В документах он проходит как «Портрет неизвестного господина».

Сергей подошёл ближе.

— Странно.

— Что именно?

— Мне всегда казалось, что я видел эту картину раньше.

Светлана посмотрела на него.

— Где?

Он задумался.

— Не помню. Возможно, на старой фотографии. Или в одном из альбомов прежних владельцев.

Светлана внимательно осмотрела раму.

— Если в архиве сохранились фотографии, мы сможем проверить.

— Значит, придётся заняться архивом.

— Я собиралась сделать это завтра.

— Тогда завтра я попрошу Виктора Павловича подготовить всё необходимое.

Светлана кивнула.

Они двинулись дальше, но через несколько шагов она остановилась.

Её внимание привлекла небольшая картина, стоявшая на отдельной подставке у стены.

На ней была изображена женщина в светлом платье. Лицо казалось почти стёртым временем, но глаза сохранили удивительную выразительность.

Светлана приблизилась.

Что-то в этом портрете показалось ей странным.

Не сама живопись — работа была выполнена профессионально. Не цветовая гамма и не композиция.

Деталь.

В нижней части холста, рядом с рамой, виднелась тонкая

линия, похожая на след старой надписи.

Та самая особенность, которую она обнаружила утром.

— Сергей, подойди, пожалуйста.

Он вернулся.

— Что ещё?

— Посмотри сюда.

Светлана указала на угол картины.

Сергей наклонился.

— Что это?

— Пока не знаю. Но, кажется, в этой коллекции не одна работа с подобными следами.

Она выпрямилась и оглядела галерею.

Старинные рамы, потемневшие холсты, портреты людей, чьи имена давно забылись.

И вдруг ей показалось, что усадьба смотрит на них сотнями неподвижных глаз, храня то, о чём живые давно перестали говорить.

— Мне нужно изучить все картины, — сказала она. — Не только те, что внесены в список.

Сергей посмотрел на неё.

— Ты думаешь, между ними есть связь?

— Пока это только предположение.

— Но ты хочешь проверить.

— Да.

Он несколько секунд молчал, затем кивнул.

— Хорошо. У тебя будет полный доступ к коллекции.

Светлана благодарно улыбнулась.

— Спасибо.

Сергей задержал на ней взгляд.

— Ты всегда так улыбаешься, когда находишь что-то интересное?

— Как?

— Будто забыла обо всём на свете.

Она отвела глаза.

— Наверное.

— Я помню эту улыбку.

Слова прозвучали тихо.

Светлана почувствовала, как в горле встал ком.

— Сергей...

— Не беспокойся. Я не собираюсь ничего от тебя требовать.

Он отступил на шаг.

— Просто работай.

И ушёл в соседний зал.

Светлана осталась перед портретом.

Она смотрела на женское лицо, на тонкую линию у нижнего края, на следы времени, проступавшие сквозь старый лак.

И впервые за эти три дня подумала, что, возможно, ей стоит бояться не самой встречи с Сергеем.

А того, что рядом с ним она снова начинает чувствовать себя живой.

Вечером Светлана вернулась в мастерскую.

Она не собиралась работать допоздна, но теперь ей не давала покоя мысль о двух картинах. Если под покрытием действительно скрывались надписи, следовало выяснить, почему их пытались закрыть.

Она включила рабочую лампу, достала фотоаппарат и увеличительное стекло.

Сначала она ещё раз осмотрела утреннее полотно. Затем перешла к изображению женщины в светлом платье.

При боковом освещении обнаружились едва заметные штрихи.

Не подпись.

Не случайная царапина.

Светлана придвинулась ближе.

Она не могла разобрать слов, но некоторые линии складывались в буквы.

Ей показалось, что она различает дату.

Она сделала несколько снимков, изменила угол света и попробовала ещё раз.

Теперь сомнений почти не оставалось.

Под поздним покрытием действительно находилась надпись.

Светлана откинулась на спинку стула.

Сердце билось быстрее.

Это могло оказаться обычной технической пометкой, сде-

ланной прежним владельцем или реставратором. Но если дата была верной, она совпадала с периодом, когда усадьба принадлежала семье, о которой почти ничего не сохранилось в официальных документах.

Она записала предварительные наблюдения и решила на следующий день запросить архивные материалы.

Когда она уже собиралась выключить лампу, её внимание привлекла рама.

В одном из углов позолота была повреждена. Под отслоившимся фрагментом виднелась узкая щель.

Светлана осторожно осмотрела её при помощи фонарика. Внутри что-то было.

Она не стала разбирать раму. Сначала требовалось зафиксировать состояние объекта и получить разрешение на дальнейшее исследование.

Но, изменив угол освещения, она увидела край тонкого листа бумаги, зажатого между рамой и задней панелью.

Светлана замерла.

Это уже не походило на обычную техническую пометку.

Она сделала фотографии, записала место обнаружения и осторожно закрыла картину защитным экраном.

Завтра она поговорит с Сергеем.

Объяснит, что обнаружила возможный документ внутри рамы и что извлекать его без предварительного согласования нельзя.

Всё будет сделано правильно.

Профессионально.

Без поспешных выводов.

Она собрала инструменты, выключила лампу и вышла из мастерской.

В коридоре было тихо. Большинство сотрудников уже разошлись, и лишь в дальнем конце здания горел свет.

Светлана прошла несколько шагов и услышала голоса из кабинета Сергея.

Дверь была приоткрыта.

— Ты должна прекратить задавать вопросы, — произнёс мужской голос.

Светлана остановилась.

Ответ Сергея она не расслышала.

Затем незнакомец сказал:

— Если она найдёт документы, всё начнётся снова.

Светлана почувствовала, как холодеют пальцы.

Наступила тишина.

Потом Сергей ответил — отчётливо, спокойно, но с такой жёсткостью, что она едва узнала его голос:

— Никто не будет решать за меня, что мне знать.

Светлана отступила от двери.

Она не хотела подслушивать чужой разговор. Не хотела вмешиваться в дела владельца усадьбы. И уж точно не хотела искать скрытый смысл в словах, которых не должна была слышать.

Но теперь она знала одно.

В усадьбе существовали документы, о которых кто-то не хотел говорить.

И человек, который боялся их обнаружения, знал, что Светлана начала работу с картинами.

Она медленно пошла к своей комнате.

В голове звучала одна и та же фраза:

«Если она найдёт документы, всё начнётся снова».

Что именно должно было начаться снова?

И какое отношение к этому имела она?

Сергей стоял посреди кабинета, глядя на мужчину, сидевшего напротив него.

— Ты слишком много внимания уделяешь прошлому, — сказал гость.

— Это мой дом.

— Именно поэтому я и пришёл. Ты рискуешь разрушить всё, что строил последние годы.

Сергей сжал челюсти.

— Не тебе решать, чем мне рисковать.

— Ты уверен, что хочешь знать правду?

Сергей не ответил сразу.

За последние десять лет он сотни раз задавал себе этот вопрос. Сначала искал объяснения, потом убеждал себя, что ответ уже известен. Позднее перестал искать вовсе.

Но теперь Светлана была здесь.

И прошлое, которое он пытался похоронить, снова ожи-

вало.

— Да, — наконец произнёс он. — Уверен.

Мужчина поднялся.

— Тогда будь осторожен. Иногда правда разрушает гораздо больше, чем ложь.

— А иногда ложь разрушает всё, что было дорого.

Гость ничего не ответил.

Он направился к двери, остановился на пороге и обернулся.

— Подумай о том, что ты можешь потерять.

После его ухода Сергей долго стоял неподвижно.

Он не знал, что Светлана обнаружила странную надпись на картине. Не знал о бумаге, спрятанной в раме. И не подозревал, что она уже слышала часть разговора.

Но впервые за много лет он почувствовал, что события начинают развиваться независимо от его воли.

Он подошёл к окну.

На улице шёл дождь.

Сергей вспомнил Светлану в мастерской — сосредоточенную, увлечённую, с той самой улыбкой, которую он когда-то считал своим счастьем.

И вдруг понял, что боится не правды.

Он боится того, что правда может вернуть ему надежду.

Потому что надежда — единственное, что он так и не научился переживать без боли.

А Светлана Серова уже начала открывать двери, которые

десять лет оставались запертыми.

И за одной из них, возможно, скрывалось объяснение того, почему они потеряли друг друга.

Глава 4. То, что мы скрываем

Светлана почти не спала.

Стоило закрыть глаза, как перед ней возникала старая картина с женским портретом, тонкая полоска бумаги за рамой и приоткрытая дверь кабинета, из-за которой доносился чужой голос.

Если она найдёт документы, всё начнётся снова.

Эти слова не давали ей покоя.

Кто был тот мужчина? Какие документы он имел в виду? И почему Сергей, услышав предупреждение, не потребовал объяснений, а ответил так, словно давно знал, о чём идёт речь?

Светлана перевернулась на другой бок и посмотрела на часы.

Половина пятого.

Она вздохнула, откинула одеяло и села на кровати.

Сон всё равно не возвращался.

В соседней комнате было тихо. Весь дом словно замер, погружённый в предрассветную темноту. Только где-то далеко скрипнула половица, а за окном ветер шевельнул ветви деревьев.

Светлана подошла к окну.

Десять лет назад она тоже не спала перед рассветом.

Тогда ей казалось, что мир рухнул за одну ночь. Она пом-

нила холодные пальцы, дрожащие руки и собственное отражение в зеркале — бледное лицо, широко раскрытые глаза и губы, которые не могли произнести ни одного связного слова.

Она помнила, как держала в руках письмо.

Помнила фотографию, которую увидела рядом.

Помнила, что решила уйти, не дожидаясь объяснений.

Тогда она была уверена: Сергей сделал свой выбор.

Теперь, спустя десять лет, она иногда спрашивала себя, почему не дала ему возможности сказать хоть что-нибудь.

Но каждый раз память возвращала её к тому дню, к тому, что она считала неопровержимым доказательством, и к голосу, который звучал в голове:

Если любишь человека, не заставляй его выбирать между тобой и теми, кого он любит.

Светлана закрыла глаза.

Нет.

Она не собиралась снова проходить через это.

Она приехала в усадьбу работать. И если старые картины хранили какие-то тайны, она выяснит, что именно скрывается под слоями краски и лака.

Но собственное прошлое она не станет расковыривать только потому, что Сергей снова оказался рядом.

Она слишком дорого заплатила за возможность жить дальше.

К восьми утра Светлана уже была в мастерской.

Она включила освещение, проверила показания термогигрометра и открыла журнал наблюдений. Затем достала фотоаппарат и сделала несколько снимков картины, на которой обнаружила спрятанную бумагу.

Работать с рамой без согласования она не собиралась. Даже если внутри находился важный документ, его извлечение требовало аккуратности и предварительной фиксации состояния предмета.

Она как раз заносила данные в журнал, когда в дверях появился Виктор Павлович.

— Доброе утро, Светлана Андреевна.

— Доброе утро.

— Сергей Андреевич просил передать, что сегодня в одиннадцать он ждёт вас в кабинете.

Светлана отложила ручку.

— По поводу картин?

— Он не уточнил.

Она посмотрела на управляющего.

— А вы случайно не знаете, кто вчера вечером был у него в гостях?

Виктор Павлович на мгновение замялся.

— У Сергея Андреевича много деловых знакомых.

— Я понимаю. Мне просто показалось, что разговор был довольно напряжённым.

Управляющий внимательно посмотрел на неё.

— Вы что-то слышали?

Светлана почувствовала лёгкое раздражение. Она не хотела ни оправдываться, ни объяснять, почему оказалась рядом с кабинетом.

— Я проходила по коридору. Дверь была открыта.

— Понятно.

Виктор Павлович помолчал, словно решая, стоит ли продолжать.

— Советую вам не беспокоиться о том, что не относится к вашей работе.

Светлана усмехнулась.

— Это вы сейчас как управляющий говорите или как человек, который знает больше, чем хочет рассказать?

Он не улыбнулся.

— Как человек, который давно работает в этом доме.

После этих слов Виктор Павлович попрощался и вышел.

Светлана проводила его взглядом.

Что ж, теперь у неё появилось ещё одно подтверждение: в усадьбе действительно было что-то, о чём предпочитали молчать.

Но она не собиралась превращаться в любопытную соседку, которая суёт нос в чужие дела.

Её интересовали картины.

И только картины.

По крайней мере, она очень хотела в это верить.

В одиннадцать без пяти Светлана постучала в кабинет Сергея.

— Войдите.

Он стоял возле книжного шкафа, держа в руках папку с документами. На столе лежали чертежи, а рядом с ноутбуком остывала чашка кофе.

Светлана сразу заметила, что он выглядит уставшим.

Под глазами залегли тени, волосы были чуть растрёпаны, а на лбу пролегла знакомая складка, которая появлялась всякий раз, когда он слишком долго обдумывал какую-то проблему.

Ей захотелось спросить, спал ли он вообще.

Она промолчала.

— Ты хотела поговорить о коллекции? — спросил Сергей.

— Я думала, это ты хотел поговорить со мной.

Он посмотрел на неё и слегка улыбнулся.

— Начнём с коллекции. Потом обсудим остальное.

Светлана насторожилась.

— Что значит «остальное»?

— Увидишь.

Он указал на кресло.

Она села, положив на колени блокнот.

Сергей занял место напротив и открыл папку.

— Виктор Павлович рассказал, что ты обнаружила следы надписей на двух картинах.

— Да. Пока я не могу сказать, что именно скрывается под

покрытием. Но мне кажется, что стоит проверить и другие полотна из этой части коллекции.

— Почему именно из этой части?

Светлана открыла блокнот и показала фотографии.

— Обрати внимание на нижние углы. На обеих картинах обнаружены похожие следы. Возможно, надписи сделаны в разное время, но их расположение и характер повреждений позволяют предположить, что позднее их пытались скрыть.

Сергей внимательно рассмотрел снимки.

— Ты думаешь, кто-то намеренно изменял картины?

— Пока это лишь одна из версий. Необходимо провести исследования, прежде чем делать выводы.

— А бумага, которую ты обнаружила за рамой?

Светлана подняла глаза.

— Виктор Павлович уже успел рассказать?

— Он сообщил, что ты просила подготовить документы для осмотра рамы.

— Именно. Я ещё не извлекала бумагу. Сначала нужно зафиксировать её положение и убедиться, что извлечение не повредит ни раму, ни сам документ.

Сергей отложил фотографии.

— Хорошо. Делай всё, что необходимо.

— Мне потребуется разрешение на исследование нескольких рам и доступ к архиву.

— Получишь.

Светлана кивнула, но не закрыла блокнот.

— Есть ещё один вопрос.

— Слушаю.

Она на секунду задумалась.

Можно было спросить прямо: кто вчера был у него в кабинете и почему боялся, что она найдёт документы?

Но она не имела права требовать от Сергея объяснений. Они были коллегами, и он не обязан был посвящать её в свои дела.

— Мне хотелось бы знать историю формирования коллекции. Кто собирал картины, откуда они поступали, проводились ли раньше реставрационные работы.

Сергей несколько секунд смотрел на неё.

— Это всё?

— Пока да.

Он откинулся на спинку кресла.

— В таком случае тебе придётся набраться терпения. Архив усадьбы сохранился не полностью. Часть документов была утрачена, часть ещё не разобрана. Я сам не знаю, что именно там можно найти.

— Тогда начнём с того, что есть.

— Я так и думал, что ты это скажешь.

— Почему?

— Потому что ты всегда предпочитала искать ответы самостоятельно.

Светлана почувствовала, как напряжение снова возвращается.

— Не всегда.

Сергей посмотрел ей прямо в глаза.

— Нет. Не всегда.

Между ними повисла тишина.

Она поняла, что разговор снова движется туда, куда ей меньше всего хотелось.

— Сергей, я не хочу ссориться.

— Я тоже.

— Тогда давай договоримся: мы обсуждаем работу и не пытаемся выяснять отношения.

Он усмехнулся, но без веселья.

— Ты предлагаешь мне подписать ещё один договор?

— Если потребуется.

— А если я не согласен?

Светлана крепче сжала блокнот.

— Ты имеешь право не соглашаться. Но я не могу изменить прошлое только потому, что мы снова встретились.

Сергей долго молчал.

Потом спросил:

— А ты хотела бы его изменить?

Она перестала дышать.

Этот вопрос был опаснее всех предыдущих.

Потому что ответ существовал.

Он жил в ней годами, прятался за работой, заботой о дочери и привычкой не оборачиваться назад.

Да.

Она хотела бы изменить прошлое.

Хотела бы вернуться в тот день и не уйти, не захлопнуть дверь, не позволить страху решить за неё.

Хотела бы хотя бы раз услышать Сергея до того, как сделала свой выбор.

Но она не могла произнести этого вслух.

— Это ничего бы не изменило, — сказала Светлана.

Сергей побледнел.

Она увидела, как напряглись его пальцы на подлокотнике кресла.

— Понятно.

Он закрыл папку и поднялся.

— Тогда на сегодня всё. Я распоряжусь, чтобы тебе открыли архив.

Светлана тоже встала.

Ей хотелось забрать свои слова обратно. Объяснить, что она имела в виду не то, что он слышал. Но любое объяснение могло сделать только хуже.

Она направилась к двери.

— Светлана.

Она обернулась.

Сергей стоял возле стола, опираясь на него обеими руками.

— Если когда-нибудь решишь рассказать мне правду, не жди, что я буду задавать вопросы.

Светлана почувствовала, как у неё перехватило дыхание.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ровно то, что сказал.

— Ты считаешь, что я солгала тебе?

Он посмотрел на неё с такой усталостью, что ей стало больно.

— Я уже десять лет пытаюсь понять, что произошло. И знаешь, что самое страшное?

Светлана молчала.

— Я до сих пор не знаю, какую часть нашей жизни мне следует считать настоящей.

Она не смогла ответить.

Сергей отвернулся к окну.

— Можешь идти.

Светлана вышла из кабинета, осторожно прикрыв за собой дверь.

В коридоре она остановилась и прижала ладонь к груди.

Она знала, что Сергей страдает.

Но впервые поняла, насколько глубоко его ранила.

И самое страшное заключалось в том, что она не могла просто сказать ему правду.

Не сейчас.

Не пока не была уверена, что он готов её услышать.

Архив располагался в западном крыле усадьбы, на втором этаже.

Помещение оказалось просторным, но плохо приспособ-

ленным для хранения документов. Вдоль стен стояли металлические стеллажи, заставленные коробками и папками. В центре находился большой стол, на котором лежали несколько раскрытых альбомов.

Светлана задержалась на пороге.

Её всегда привлекали старые документы. В них было что-то завораживающее: пожелтевшая бумага, выцветшие чернила, следы времени, случайные пометки на полях.

Каждая вещь могла рассказать историю, если знать, как правильно задавать вопросы.

— Вам помочь? — спросил молодой сотрудник, которого Виктор Павлович прислал в архив.

— Да. Для начала мне нужны описи картин, старые фотографии интерьеров и документы, связанные с прежними владельцами усадьбы.

— Всё сразу?

— Начнём с описей.

Он кивнул и принялся искать нужные коробки.

Через полчаса Светлана уже работала за столом.

Сначала всё выглядело вполне обычно. Перечни имущества, записи о ремонте, счета за материалы, письма поставщиков. Некоторые документы относились к началу двадцатого века, другие были гораздо старше.

Она внимательно сверяла названия картин с фотографиями и делала пометки.

Постепенно стало ясно, что часть коллекции несколько

раз перемещали из одного помещения в другое. Некоторые полотна исчезали из описей, а спустя годы появлялись снова, иногда под другими названиями.

Это могло объясняться обычной путаницей.

Но затем Светлана обнаружила папку, на которой было написано от руки:

«Семейные документы. Не включать в общую опись».

Она замерла.

Надпись была сделана синими чернилами. Бумага выглядела значительно новее остальных документов, хотя сама папка явно хранилась здесь давно.

Светлана осторожно открыла её.

Внутри лежали несколько писем, фотографии и тонкая тетрадь с потемневшей обложкой.

Она не стала сразу читать письма. Сначала проверила даты и расположение документов, затем сделала фотографии обложки и первых страниц.

На одной из фотографий была изображена молодая женщина в светлом платье.

Светлана невольно приблизила снимок.

Женщина стояла у лестницы усадьбы, одной рукой придерживая перила. Рядом находился мужчина в тёмном костюме. Его лицо было частично скрыто тенью, но поза казалась знакомой.

Светлана посмотрела на фотографию ещё раз.

Неужели это тот самый мужчина с портрета?

Она перевернула снимок.

На обороте карандашом было написано:

«Елена и Павел. Лето 1912 года».

Светлана записала имена в блокнот.

Затем достала тетрадь.

Первые страницы содержали обычные записи о расходах и домашних делах. Но ближе к середине почерк изменился. Строки стали неровными, а между ними появились короткие фразы, написанные торопливо, словно автор боялся, что ему помешают.

Светлана прочитала несколько строк.

«Он сказал, что письма должны исчезнуть».

Она нахмурилась.

Ниже стояла другая запись:

«Если она узнает, что произошло на самом деле, он никогда не простит нам обоим».

Светлана почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Она перечитала фразу.

Здесь могло идти речь о семейной ссоре, наследстве или давнем скандале. Исторические документы часто хранили подобные свидетельства.

Но сочетание слов показалось ей слишком знакомым.

Письма должны исчезнуть.

Он никогда не простит.

Светлана закрыла тетрадь и посмотрела на часы.

Она не собиралась делать выводы, основываясь на нескольких фразах, написанных больше ста лет назад.

И всё же теперь ей хотелось узнать, что произошло между Еленой и Павлом.

Особенно потому, что рядом с их именами в архиве встречались те же обозначения, что и на двух картинах.

Она сделала фотографии страниц, аккуратно закрыла тетрадь и отложила её в сторону.

В этот момент за спиной раздался голос:

— Нашла что-то интересное?

Светлана вздрогнула и обернулась.

В дверях стоял Сергей.

✱

— Ты меня напугал, — сказала она, прижимая ладонь к груди.

— Извини. Я постучал, но ты не услышала.

Сергей вошёл в помещение и остановился возле стола.

— Что нашла?

Светлана посмотрела на папку.

Она могла рассказать ему о фотографиях и записях. Могла показать надписи и объяснить, что пока не понимает их значения.

Но после утреннего разговора ей не хотелось снова сталкиваться с его подозрениями.

— Пока ничего определённого. Изучаю документы, связанные с коллекцией.

Сергей перевёл взгляд на раскрытую тетрадь.

— А это тоже относится к коллекции?

— Пока не знаю. Папка хранилась отдельно, и я решила проверить её содержание.

Он подошёл ближе.

— Можно посмотреть?

Светлана поколебалась, затем придвинула к нему фотографию.

Сергей взял её и долго рассматривал.

— Я видел это лицо.

— Где?

— Не могу вспомнить. Возможно, на одном из портретов.

Он перевернул фотографию и прочитал надпись на обороте.

— Елена и Павел.

— Лето 1912 года.

Сергей нахмурился.

— В документах о восстановлении усадьбы я встречал имя Елены. Кажется, она была последней представительницей семьи, владевшей этим домом до революции.

— Ты знаешь, что с ней произошло?

— Нет. История семьи сохранилась фрагментарно.

Светлана открыла блокнот.

— Здесь есть записи, в которых говорится о письмах, которые должны были исчезнуть. И о какой-то правде, которую кто-то не хотел раскрывать.

Сергей посмотрел на неё.

— Ты думаешь, это связано с картинами?

— Возможно. Пока я не могу утверждать ничего определённого.

Он положил фотографию на стол.

— Значит, будем искать дальше.

Светлана удивилась.

— Ты хочешь сам заниматься архивом?

— Я хочу понимать, что происходит в моём доме.

— Тогда тебе придётся потратить немало времени.

— У меня его достаточно.

Он произнёс это спокойно, но Светлана заметила, что Сергей снова выглядит напряжённым.

— Ты сегодня плохо спал? — спросила она прежде, чем успела остановиться.

Он посмотрел на неё.

— Почему ты спрашиваешь?

— Ты выглядишь уставшим.

— А ты всё ещё замечаешь такие вещи.

Светлана опустила глаза.

— Это ничего не значит.

— Конечно.

Он произнёс это без насмешки.

И от этого стало ещё труднее.

Сергей снова посмотрел на тетрадь.

— Ты собираешься читать её дальше?

— Да. Но сначала нужно зафиксировать состояние документа и убедиться, что страницы не повреждены.

— Сколько времени тебе потребуется?

— Не знаю. Возможно, несколько дней.

— Хорошо. Тогда я попрошу Виктора Павловича организовать тебе здесь рабочее место.

— Сергей, я могу справиться сама.

— Я знаю.

Он повернулся к ней.

— Но тебе не обязательно делать всё самой.

Светлана замерла.

На мгновение ей показалось, что он говорит не об архиве.

Что за этими словами скрывается нечто другое — предложение перестать нести всё на своих плечах, хотя бы ненадолго позволить кому-то быть рядом.

Она почти поверила.

Но Сергей уже отступил к двери.

— До вечера, Светлана.

— До вечера.

Он ушёл.

Светлана ещё долго смотрела на закрывшуюся дверь.

Потом медленно опустилась на стул и прикрыла глаза.

Она знала, что должна держаться подальше от Сергея.

Знала, что любое сближение может снова причинить боль им обоим.

Но каждый раз, когда он проявлял к ней заботу, она вспо-

минала мужчину, которого когда-то любила больше жизни.

И начинала сомневаться в том, что сумела забыть его хотя бы на один день.

После обеда Светлана вернулась в мастерскую.

Она решила ещё раз осмотреть картину с женским портретом, прежде чем закончить работу на сегодня.

Теперь, когда у неё появились имена и даты, некоторые детали стали казаться значимыми.

Светлана сравнила фотографии картины с изображением из архива. Лицо женщины на портрете было написано гораздо позднее, но в чертах угадывалось сходство с Еленой.

Возможно, это была одна и та же женщина.

Возможно, родственница.

Пока рано делать выводы.

Она включила лампу и внимательно осмотрела нижний угол холста.

Под поздним покрытием действительно просматривались буквы. На этот раз ей удалось разобрать несколько символов.

Светлана записала их в блокнот.

Затем осторожно осмотрела раму и проверила, не изменилось ли положение спрятанной бумаги.

Всё оставалось на месте.

Она собиралась убрать инструменты, когда услышала лёгкий стук в дверь.

— Войдите.

В мастерскую вошла Виктория.

Светлана сразу узнала её по светлым волосам и безупречно прямой осанке.

Сегодня на женщине был тёмно-зелёный костюм, а в руке она держала небольшую сумку.

— Вы Светлана Серова?

— Да.

— Виктория Миронова.

Она протянула руку.

Светлана пожала её.

— Очень приятно.

Виктория оглядела мастерскую, задержав взгляд на картинах.

— Мне сказали, что вы начали исследовать старую коллекцию.

— Да. Пока провожу предварительный осмотр.

— И уже нашли что-то необычное?

Светлана внимательно посмотрела на неё.

— Почему вы спрашиваете?

Виктория улыбнулась, но улыбка не коснулась глаз.

— Мне интересна история усадьбы. Я много лет помогаю Сергею с организационными вопросами.

— Понятно.

— Он рассказал, что вы обнаружили какие-то надписи.

Светлана почувствовала настороженность.

— Мы пока не знаем, что это.

— И всё же вы собираетесь продолжать исследования?

— Разумеется. Это моя работа.

Виктория кивнула и подошла к одному из полотен.

— Знаете, Светлана, иногда старые вещи лучше оставить в покое.

— Если они повреждены, их необходимо исследовать и сохранить.

— Я не об этом.

Она повернулась к Светлане.

— Иногда прошлое содержит вещи, которые не стоит вытаскивать на свет. Особенно если они могут навредить живым людям.

Светлана медленно сняла перчатки.

— Если вы знаете что-то, что может повлиять на сохранность коллекции, вам следует рассказать об этом владельцу.

— А если владелец не хочет ничего знать?

— Тогда это его решение.

Виктория внимательно посмотрела на неё.

— Вы всегда такая принципиальная?

— Когда дело касается моей работы — да.

Женщина усмехнулась.

— Сергей тоже всегда ценил в вас эту черту.

Светлана не ответила.

Виктория взяла сумку и направилась к двери, но перед выходом остановилась.

— Позвольте дать вам один совет. Не пытайтесь вернуть

то, что однажды потеряли.

Светлана почувствовала, как напряглись плечи.

— Я приехала сюда не за этим.

— Надеюсь.

Виктория вышла, оставив дверь открытой.

Светлана несколько секунд смотрела ей вслед.

Потом подошла к двери и закрыла её.

Внутри поднималось раздражение.

Кто эта женщина, чтобы давать ей советы? Почему она считает, что имеет право вмешиваться в её отношения с Сергеем?

И главное — почему так боится старых документов?

Светлана вернулась к рабочему столу.

На краю лежала фотография из архива.

Елена и Павел.

Два человека, чья история оборвалась больше ста лет назад.

И записи, в которых говорилось о письмах, лжи и правде, способной разрушить жизни.

Светлана осторожно взяла фотографию.

Возможно, всё это не имело никакого отношения к ней и Сергею.

Но почему-то ей казалось, что история старой усадьбы повторяет их собственную.

И если она хотела понять, что произошло десять лет назад, ей придётся научиться задавать вопросы, от которых все

вокруг предпочитали уходить.

Вечером Светлана сидела на кровати с телефоном в руках.

Дочь прислала несколько сообщений, рассказала о занятиях и пожаловалась на сложное задание. Светлана ответила, дала пару советов и пообещала позвонить на выходных.

Потом открыла галерею и случайно наткнулась на старую фотографию.

На ней была она сама — двадцатисемилетняя, смеющаяся, с растрёпанными волосами и рукой Сергея на талии.

Они стояли на берегу озера. Ветер трепал её платье, Сергей что-то говорил ей на ухо, а она смеялась, запрокинув голову.

Светлана помнила тот день.

Помнила, как они гуляли до заката, как ели мороженое на деревянной пристани и спорили о том, где хотели бы жить через десять лет.

Сергей тогда сказал, что хочет дом с большими окнами, садом и мастерской для неё.

Она рассмеялась и спросила, зачем ему сад, если он даже цветы поливать забывает.

Он ответил:

«Зато я буду помнить, что ты любишь розы».

Светлана прижала телефон к груди.

Она не знала, почему сохранила эту фотографию.

Возможно, потому, что в ней жила та часть её самой, ко-

торуя она так и не смогла похоронить.

Девушка, верившая, что любовь — это не только чувство, но и выбор.

Что если два человека любят друг друга, они всегда найдут способ остаться вместе.

Теперь Светлана знала, что всё сложнее.

Иногда люди расстаются не потому, что перестают любить.

Иногда они уходят, потому что боятся причинить боль.

Иногда верят чужим словам, потому что собственная правда кажется слишком страшной.

А иногда совершают ошибку, которую потом исправляют всю жизнь.

Она выключила экран и положила телефон на тумбочку.

Завтра ей предстояло продолжить исследование картин.

Нужно было проверить надписи, изучить архивные записи и понять, что скрывается за старой бумагой в раме.

Но сейчас Светлана хотела только одного — уснуть.

Без воспоминаний.

Без вопросов.

Без Сергея, который всё ещё жил в её сердце, несмотря на десять лет молчания.

Она легла, закрыла глаза и почти сразу услышала стук в дверь.

Светлана резко села.

— Кто там?

— Это Виктор Павлович.

Она быстро накинула халат и открыла дверь.

Управляющий стоял на пороге с небольшим конвертом.

— Простите, что беспокою так поздно. Это передали для вас.

Светлана взяла конверт.

— От кого?

— Не знаю. Его оставили на посту охраны. Сказали, что адресовано лично вам.

Она посмотрела на плотную белую бумагу.

На лицевой стороне было написано её имя.

Почерк показался знакомым.

Слишком знакомым.

Светлана поблагодарила управляющего и закрыла дверь.

Несколько секунд она стояла неподвижно, глядя на конверт.

Потом осторожно вскрыла его.

Внутри лежал сложенный лист бумаги.

Всего одна короткая фраза:

«Если хочешь узнать, почему Сергей не пришёл к тебе десять лет назад, найди письмо, спрятанное в старой раме».

Светлана перечитала записку.

Потом ещё раз.

Сердце колотилось так сильно, что ей казалось, его стук слышен во всём доме.

Кто-то знал о том, что произошло между ними.

Кто-то знал, что она ушла, уверенная в предательстве Сергея.

И этот человек утверждал, что Сергей не пришёл к ней.

Но он ведь мог прийти.

Мог позвонить.

Мог хотя бы попытаться объяснить.

Светлана медленно опустилась на край кровати.

В памяти всплыл тот последний вечер.

Она ждала его до полуночи.

Потом до двух часов ночи.

Потом до рассвета.

Телефон молчал.

Дверь не открылась.

И когда наступило утро, она решила, что ответ уже получила.

Но если Сергей действительно пытался прийти...

Если письмо существовало...

Если кто-то намеренно спрятал его...

Светлана закрыла глаза.

Впервые за десять лет она позволила себе подумать о том, что, возможно, ошиблась.

И эта мысль оказалась страшнее любой правды, которую она могла обнаружить в старой усадьбе.

Потому что если Сергей не предал её...

Тогда все эти годы она убегала не от человека, который

разбил ей сердце.

Она убегала от человека, которого могла потерять по собственной ошибке.

А где-то в старой раме действительно могло храниться письмо, способное изменить всё.

Глава 5. Письмо, которого не должно было быть

Светлана перечитала записку в третий раз.

«Если хочешь узнать, почему Сергей не пришёл к тебе десять лет назад, найди письмо, спрятанное в старой раме».

Бумага была обычной, вырванной, кажется, из блокнота. Ни подписи, ни даты. Только несколько слов, написанных размашистым почерком, в котором чувствовалась торопливость. Или страх.

Она сидела на краю кровати в небольшом гостевом номере, который ей выделили в восточном крыле усадьбы, и слушала, как за окном ветер раскачивает голые ветви старой липы.

Десять лет назад.

Слова, которые она научилась произносить без дрожи. Десять лет назад она уехала из города, где когда-то собиралась прожить всю жизнь. Десять лет назад она перестала ждать звонка, объяснений, случайной встречи. Десять лет назад она решила, что любовь может закончиться не потому, что люди перестали любить друг друга, а потому, что один из них оказался слишком слабым, чтобы остаться.

Она помнила тот вечер почти до мельчайших подробностей.

Ноябрьский дождь. Холодный чай на кухне. Телефон, который она сжимала в руке так крепко, что потом на ладони остались красные следы от чехла. И сообщение от Сергея, короткое, безжалостное:

«Прости. Я не могу. Не жди меня».

Тогда она не знала, что он написал эти слова за несколько часов до их последней встречи. Не знала, что за два дня до этого кто-то уже убедил его в том, будто она собирается уехать и не хочет больше иметь с ним ничего общего.

А она сама получила письмо.

Письмо, в котором Сергей будто бы объяснял, что их отношения стали для него ошибкой, что он устал от её требований, от её надежд, от необходимости выбирать между ней и собственной семьёй.

Она перечитывала его всю ночь.

Потом сложила лист вчетверо, убрала в сумку и ушла.

И ни разу за десять лет не попыталась проверить, действительно ли он написал эти слова.

Потому что иногда человеку проще поверить в предательство, чем признать, что он всё ещё надеется.

Светлана медленно опустила записку на колени.

— Кто же ты такой? — прошептала она в пустоту.

Ответа, конечно, не последовало.

Она встала, накинула кардиган и подошла к столу, где лежал её рабочий блокнот. На последней странице уже были записаны названия картин, нуждающихся в исследовании,

номера рам и предварительные заметки о состоянии красочного слоя.

Теперь рядом с ними появилось новое слово:

Письмо.

Ниже она добавила:

Старая рама. Возможно, восточная галерея.

И только после этого позволила себе признаться: если письмо действительно существует, она должна его найти.

Не ради Сергея.

По крайней мере, так она сказала себе.

В усадьбе утро наступало медленно.

Сначала свет проникал в высокие окна узкими полосами, потом ложился на паркет, цеплялся за позолоченные края рам и постепенно вытеснял ночные тени из длинных коридоров. Здание просыпалось со скрипом старых дверей, приглушёнными голосами персонала и звоном посуды где-то внизу.

Светлана спустилась к завтраку раньше обычного.

Она надеялась, что Сергей ещё не появился и у неё будет возможность спокойно выпить кофе, прежде чем снова оказаться рядом с человеком, который одним взглядом умел возвращать её туда, откуда она так долго выбиралась.

Но Сергей уже сидел за столом.

На нём была тёмная рубашка с закатанными рукавами. Перед ним лежали раскрытые чертежи, рядом остывал кофе. Он что-то отмечал карандашом, хмурясь, и выглядел на-

столько погружённым в работу, что Светлана почти решила пройти мимо.

Почти.

— Доброе утро, — произнесла она.

Сергей поднял голову.

На секунду его лицо изменилось. Исчезла привычная деловая сосредоточенность, а во взгляде мелькнуло что-то такое, что она предпочла бы не замечать.

— Доброе. Ты рано.

— Не спалось.

— Из-за работы?

Вопрос прозвучал слишком спокойно.

Светлана сняла с кресла жакет и повесила его на спинку.

— А ты всегда задаёшь вопросы, на которые уже придумал ответ?

Сергей отложил карандаш.

— Только когда боюсь услышать настоящий.

Она посмотрела на него, стараясь сохранить невозмутимость.

— Тогда тебе лучше ничего не спрашивать.

Он чуть заметно усмехнулся, но улыбка не коснулась глаз.

— Я десять лет учился этому, Света. Не спрашивать. Не искать. Не ждать.

Её пальцы замерли на чашке.

— И как успехи?

— Плохо.

Ответ оказался таким неожиданным, что она не сразу нашла, что сказать.

Сергей снова опустил взгляд на чертежи, словно признался в чём-то лишнем.

— Я собираюсь проверить восточную галерею, — сказала Светлана после паузы. — Там есть несколько рам, которые требуют дополнительного осмотра.

— Я могу попросить работников подготовить помещение.

— Не нужно. Мне важно самой осмотреть крепления и задники. Иногда то, что кажется обычным дефектом, оказывается следом прежнего вмешательства.

Сергей посмотрел на неё внимательнее.

— Ты говоришь о картинах?

— Разумеется.

— Конечно.

В его голосе прозвучало что-то похожее на сомнение.

Светлана почувствовала, как внутри поднимается раздражение.

— Если ты хочешь сказать что-то ещё, говори прямо.

Он долго смотрел на неё, будто решал, стоит ли продолжать.

— Ты всегда была хороша в том, чтобы находить скрытое.

— Это моя профессия.

— Я помню.

Эти два слова прозвучали почти нежно.

И именно поэтому она отвернулась первой.

Восточная галерея оказалась прохладной даже после того, как работники открыли тяжёлые ставни.

Длинное помещение соединяло старую жилую часть усадьбы с пристройкой, которую Сергей собирался превратить в выставочное пространство. На стенах висели портреты прежних владельцев, несколько пейзажей и две большие картины в массивных деревянных рамах.

Светлана начала с осмотра креплений.

Она работала медленно, внимательно, фиксируя состояние каждого предмета. Проверила углы рам, состояние холста, следы прежних реставраций. На одной из картин обнаружилась небольшая трещина в левом нижнем углу. На другой — следы старого ремонта, выполненного не слишком аккуратно.

Но её внимание привлекла третья картина.

Это был портрет молодой женщины в светлом платье. Она сидела у окна, сложив руки на коленях, и смотрела куда-то в сторону зрителя. В её лице было что-то удивительно знакомое: не черты, нет, а выражение глаз — настороженное, словно она ждала плохих новостей и уже заранее готовилась пережить их в одиночестве.

На табличке значилось:

Елена Павловна. Около 1912 года. Автор неизвестен.

Светлана вспомнила фотографию из архивной папки.

Елена и Павел. Лето 1912 года.

Совпадение?

Она сняла перчатки, подошла ближе и внимательно осмотрела раму.

Дубовая, тяжёлая, с резными листьями по углам. На первый взгляд ничего необычного. Однако на нижней перекладине заметна была тонкая полоса, чуть отличавшаяся по цвету от остального дерева. Возможно, след старого ремонта.

Светлана осторожно провела по ней пальцем.

Дерево оказалось неровным.

Она принесла из своей рабочей комнаты фонарь, увеличительное стекло и тонкий инструмент для осмотра труднодоступных участков. Затем проверила стык между рамой и задником.

Один из крепёжных элементов выглядел новее остальных.

Светлана присела на корточки и направила свет под углом.

— Что же ты прячешь? — тихо спросила она.

Металлическая пластинка поддалась не сразу. Светлана не стала торопиться: грубое движение могло повредить и раму, и то, что находилось за ней.

Через несколько минут ей удалось освободить небольшой участок задника.

За ним обнаружилась узкая полость.

И в полости — конверт.

Сердце ударило так сильно, что она на мгновение пере-

стала слышать всё вокруг.

Конверт был пожелтевшим, с потемневшими краями. На лицевой стороне сохранилась надпись, сделанная чернилами.

«Сергею. Лично в руки».

Светлана медленно выпрямилась.

Она не знала, почему письмо оказалось спрятано именно здесь. Не знала, кто его положил и сколько лет оно пролежало в тайнике. Но имя на конверте заставило её руки похолодеть.

Сергей.

Не Павел. Не один из прежних владельцев усадьбы.

Сергей Левин.

Её Сергей.

Она осторожно положила конверт на чистый лист бумаги и сфотографировала место находки. Потом проверила внутреннюю сторону задника, убедившись, что других предметов в полости нет.

Только после этого позволила себе коснуться конверта.

Он был закрыт, но край клапана давно отошёл от бумаги. На сгибе виднелся след от чужого пальца, оставившего тёмное пятно.

Светлана не собиралась вскрывать чужую корреспонденцию без разрешения. Даже если письмо могло иметь отношение к её собственной жизни.

Особенно если могло.

Она убрала конверт в защитный прозрачный пакет и посмотрела на часы.

Без десяти одиннадцать.

Сергей должен был вернуться с осмотра строительных работ примерно через полчаса.

Она решила дожидаться его.

✱

Он появился раньше.

Светлана слышала шаги ещё до того, как Сергей вошёл в галерею. Она стояла у окна, держа в руках пакет с конвертом, и пыталась убедить себя, что её не трясёт.

Но когда он переступил порог, все заранее подготовленные слова исчезли.

— Ты хотела меня видеть? — спросил он.

— Да.

Сергей заметил пакет в её руках.

— Что это?

Она протянула его ему.

— Нашла за задником одной из рам. Внутри была полость, которую, судя по всему, когда-то использовали как тайник.

Он взял пакет, но не сразу посмотрел на содержимое.

— Ты вскрывала?

— Нет. Я зафиксировала место находки и проверила, не было ли там чего-то ещё.

— Спасибо.

Он произнёс это автоматически, всё ещё не отрывая

взгляда от конверта.

Потом увидел надпись.

И побледнел.

Это было едва заметное изменение, но Светлана знала его слишком хорошо. Сергей мог скрыть раздражение, усталость, злость. Он умел держать лицо перед инвесторами, подрядчиками и людьми, которые пытались им манипулировать.

Но удивление всегда выдавало его.

— Что случилось? — спросила она.

Он провёл пальцем по прозрачной поверхности пакета, словно хотел убедиться, что конверт настоящий.

— Я не знаю.

— Ты узнаёшь почерк?

Сергей покачал головой.

— Нет. Но это письмо адресовано мне.

— Возможно, кто-то из прежних владельцев усадьбы носил то же имя.

— Возможно.

Он ответил слишком быстро.

Светлана сделала шаг ближе.

— Сергей, если ты знаешь что-то, скажи.

Он поднял на неё глаза.

— А если я ничего не знаю?

— Тогда нам придётся выяснить, кто и зачем спрятал письмо.

— Нам?

— Да. Оно найдено во время реставрационных работ. Я обязана задокументировать находку, а ты владелец усадьбы. Это вполне разумное объяснение.

— Разумное, — повторил он.

В его взгляде появилось что-то болезненное.

— А я на секунду подумал, что ты снова хочешь быть рядом со мной.

Светлана почувствовала, как слова ударили точно в то место, которое она тщательно охраняла.

— Не превращай рабочую ситуацию в то, чем она не является.

— Я стараюсь, Света. Правда стараюсь.

Он опустил взгляд на пакет.

— Но иногда ты стоишь передо мной, и я забываю, что между нами прошло десять лет.

Она не ответила.

Потому что в этот момент сама забывала.

Они решили перенести конверт в кабинет Сергея и осмотреть его там, соблюдая осторожность.

Он положил пакет на письменный стол, достал архивные перчатки и осторожно извлёк письмо. Бумага внутри оказалась плотной, сложенной вдвое. На ней не было ни даты, ни подписи снаружи.

Светлана стояла напротив, стараясь не смотреть на его ру-

ки.

Она помнила эти руки.

Помнила, как Сергей держал её ладонь, когда они шли по ночному городу. Как поправлял прядь волос у её лица. Как однажды, когда она боялась первой серьёзной реставрационной работы, просто обнял её и сказал, что она справится.

Иногда память была жестокой не потому, что возвращала боль, а потому, что возвращала счастье таким живым, будто оно всё ещё могло случиться.

— Я могу прочитать? — спросил Сергей.

— Это твоё письмо.

Он осторожно развернул лист.

Первые строки были выцветшими, но разборчивыми. Сергей начал читать молча. Светлана наблюдала за его лицом, пытаясь понять, что он видит.

Сначала его брови слегка сошлись.

Потом губы сжались.

Наконец он сел.

— Что там? — спросила Светлана.

Он не ответил сразу.

— Прочитай сама.

Сергей протянул ей лист.

Светлана взяла его обеими руками.

Почерк был неровным, словно человек писал торопливо. Несколько слов оказались размазаны, но основная часть текста сохранилась.

Она начала читать.

«Сергей.

Если ты держишь это письмо в руках, значит, я не смог передать тебе правду лично.

Я знаю, что ты считаешь Светлану виноватой. Я знаю, что тебе показали её письмо и убедили, будто она решила уехать, не сказав тебе ни слова. Но ты должен понимать: письмо, которое ты получил, не было написано ею.

Тебя обманули.

И её тоже.

В ту ночь вы оба ждали друг друга, каждый был уверен, что другой сделал свой выбор. Кто-то позаботился о том, чтобы вы никогда не встретились и не смогли поговорить.

Я слишком долго молчал. Я позволил этому случиться, потому что боялся потерять всё, что имел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.